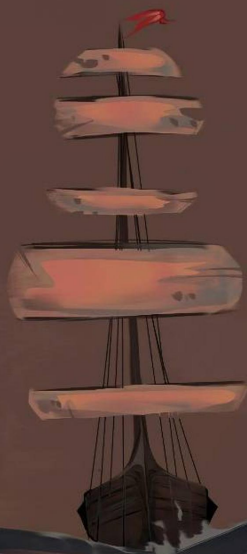

Олло:
путь через тьму

Кирилл Кавизин

Кирилл Кавизин

Олло: путь через тьму

<https://litres.ru/74260799>

SelfPub; 2026

Аннотация

В сердце архипелага Ло, где величественные горы встречаются с бескрайним океаном Морин, раскинулся город-крепость Олло. Здесь живёт Арчи — юноша, терзаемый чувством вины и жадной доказать свою значимость. После трагических событий, связанных с нападением таинственных существ из тьмы, его жизнь навсегда меняется.

Арчи оказывается втянут в череду опасных приключений, где ему предстоит раскрыть мрачные тайны своего острова. Древние пещеры хранят секреты, способные изменить судьбу всего архипелага. Появление загадочного старика, рассказывающего о зловещих существах и скрытых проходах, заставляет Арчи понять — его судьба тесно связана с этими тайнами.

В мире, где свет борется с тьмой, а древние пророчества начинают сбываться, Арчи предстоит сделать выбор, который определит не только его судьбу, но и будущее всего Олло. Сможет ли он преодолеть внутренние страхи, найти своё место в мире и защитить тех, кого любит?

Кирилл Кавизин

Олло: путь через тьму

Том

I

. За горизонт, за собственной душой

Давным-давно — так давно, что и счёту годам нет, а может, и вовсе не было, — а возможно, и вовсе в ином мире, где нам не бывать, — процветало на далёких островах старинное царство, имя которому было Ло.

Располагалось оно в океане Морин, чьи воды омывали берега больших царств и внешние земли Морн. Занимало царство несколько островов: один большой, рядом с ним, буквально в нескольких сотнях метров, маленький; один чуть поменьше главного, три совсем крошечных и великое множество маленьких — словно оазисы посреди бушующего океана.

Столица царства располагалась на самом большом острове — Олло. Был он необычайно красив: на севере высились громады гор — столь величественные, что из города за ними не было видно самого неба; могучие, широколиственные и

хвойные леса; небольшое, но бездонное озеро с водой кристально чистой, как совесть младенца. На Великой Равнине на юге острова располагался сам город Олло, окружённый густым лесом. Небольшая пристань, также окружённая деревьями, с красивыми бригами и старинным, прожившим не один век, баркасом в море у скалистого берега, служила маяком и сигналом для путников, что этот остров обитаем, а развивающиеся бело-синие флаги — что они прибыли в Ло. На маленьком же острове, что был виден с берега, простиралось огромное поле с подсолнечниками, сияющими как солнце, и загон с кабанами, кормивший Олло многие годы.

Второй остров, что был чуть меньше Олло — Лоро, или как его звали среди жителей царства — Остров Лазурных Гор: живописное место с высокими горами, покрытыми зеленью. Там росли необычайно красивые кустарники под названием «Голубой туман» и не менее прекрасные цветки фелиции. На Лоро располагался грандиозный форт «Рассвет». Со всех сторон он был окружен горами, и лишь путь к главным воротам не был ничем преграждён. Позади форта, с вершины горы, стекали несколько родников и сливались в одну реку, образуя водопад с прекрасным прудом у подножия. Неподалёку от этих живописных мест находился небольшой, но прекрасный до потери речи храм: с золотыми куполами и колоколами и стенами из чистого гранита. А подле него — яркая и красивая деревушка, с зелёными домами, огородами пшена, точно золота, и яблонями, будто рубина-

ми да изумрудами.

Но остальные три острова были крошечными как мышки, но грозными как сам лев. Они были скрыты туманом, грозой и бушующим кипящим морем. Острова эти — место сборищ пиратов и отбросов света милого, тьмы из бездны морской, — неугодных всем и вся. Город населяли старые, полуразваленные дома да горы из бочек рома и вина, а кругом — мрачные скалы. В гавани не кипела торговля товаров и добром, лишь галеоны, порох и злобный смех. Дух страдания и дешёвых потех. Кругом мрак и холод, а тем, кого позабыли или бросили здесь — голод. Не пройдут корабли нетронутыми — либо океан покарает, либо судно пиратов повстречает. Место смерти и предательства родины, второй такой нет — Туманная гавань.

— Пап, папа! — проговорил полусонным голосом маленький мальчик, лёжа в своей кроватке. — А зачем нам эти ворота и стены?

— Чтобы вы с мамой были в безопасности, сынок, — слышался голос из другой комнаты, и звякнула стальная кольчуга.

— А мне было бы лучше, если ночью ты оставался дома, — жалобно протянул ребёнок.

— Если я буду дома, то и ворота некому будет охранять. А если оставить их без присмотра, то тогда всем нам будет нехорошо, — стоя на пороге спальни, с некой тревогой в голосе, ответил отец.

— А другие? — продолжал жаловаться мальчик, мостившись в постели.

— У других такие же дети, как и ты, — с нежностью ответил отец.

— Нет. пап. Они не как я! Я особенный, — гордо отрезал малыш.

Отец лишь тихонько усмехнулся.

— Конечно. Да защитит вас с мамой Аррон, — сказал отец и ушёл, закрыв за собой дверь и оставив сына в темноте.

Глава 1. Ребёнок

«Прекрасный город-крепость — Олло. Жизнь здесь — словно праздник каждый день. Природа, куда не глянь — красота!» — перо писателя оторвалось от бумаги. Мужчина средних лет, с густыми чёрными волосами, лёгкой щетиной на лице, сидел на скамейке с пером и пергаментом в руках. Солнце было высоко, но быстро клонилось к горизонту. Вокруг бегала детвора. Мужчина взглядом искал своего сына, как вдруг его окликнули совсем с другой стороны:

— Пап!

Отец вздрогнул от неожиданности и оглянулся:

— Ох, Арчи, я тебя искал!

Парнишка, лет десяти, бодро и весело сказал:

— Можно мы с Элизой и Эрисом сходим до озера, пока ворота открыты?

Отец улыбнулся и одобрительно кивнул. Радостные дети с криком побежали по тропинке в сторону выхода из города. Вдруг улыбка сползла с лица мужчины, и он крикнул уже серьёзно:

— Арчи! Подойди сюда, — отец снял своё серебряное кольцо и протянул его сыну. — Возьми его. Вернитесь обратно до того, как солнце уйдёт за горы, хорошо?

— Хорошо пап! — закричал Арчи, убегая из города.

Дети бежали, весело смеясь. Мимо них мелькали фонари — их заправляли маслом знакомые лица, — женщины с огромными корзинами, небольшой отряд военных и вереницы таких же детей, как они сами. Кругом клумбы, огороды — всё цветёт. Летают пчёлы, горланят птицы. И совсем рядом звонко звенят стальные кольчуги сторожей ворот.

Поздоровавшись, дети пробежали мимо часовых. Те в ответ мило улыбнулись. Перед детьми распахнулся лес с множеством тропинок. Каждая — отдельный путь, который скрывает свои прелести острова. Ребятяня ломанулись по самой истоптанной, ведь именно она и вела к тому самому прелестному озеру.

Дорогу украшали самые разные цветки. Одни сильно пахнущие, но невзрачные, другие настолько красивые, что и глаз не отвести, вот только они совсем ничем не пахли. Деревья

сменялись друг другом. Огромные сосны-великаны, словно стены лабиринта, вели детей к озеру. Им сопутствовали прекрасные ласточки, планирующие с высокого неба до самой земли, между веток деревьев. Где-то глубоко в чаще стучал дятел. Дети то смеялись, то напевали всякие песни, знакомые им с самого детства. Все они не слишком отличались, — лишь словами и мотивом, а вот смысл везде один: Арон — наш великий хранитель.

Неожиданно из заднего кармана штанов Арчи случайно выпал его деревянный ножик. Давно сломанный, мальчик его уже неоднократно ронял и кидал: у ножа сильно затупилось лезвие и кончик, отчего он стал похож на простую палку. Арчи остановился, присел на корточки, взял ножичек в руки и замер. Он залюбовался видами. Солнечные лучи прыгали с кустика на кустик, с листика на листик. Всё вокруг блестело и сияло.

— Арчи! — резко остановилась Элиза. — Побежали! Что ты там замер?

— Подожди, дай полюбуюсь! — закричал заворожённый Арчи.

Арчи глядел сквозь деревья, пытаясь разглядеть меж ними животных. Неожиданно, откуда-то сверху упала шишка. её скинула рыжая белка. Арчи сразу поймал её взглядом и стал следить за зверьком. Белка пробежала в основном в тени, чтобы лишний раз не попадаться на глаза кому-либо. Внезапно Арчи показалось, что он увидел в тени что-то, похо-

жее на человека. Мальчик испугался и вновь перевёл взгляд в то место. Там никого не было. Арчи обхватил рукой отцовское кольцо, надетое на указательный палец, и стал приговаривать себе под нос: «Аррон меня не даст обидеть».

— Арчи, ты увидел что-то? — испуганно спросил Эрис.

— Вроде да, — неуверенно, со страхом в голосе сказал Арчи.

— Может быть будет лучше, если мы пойдём обратно в город? — нервно спросила мальчиков Элиза.

— Да нет, — всё ещё глядя в сторону леса, пробормотал Арчи, — до вечерней зари ещё много времени. Пойдём, посмотрим на озеро и побежим обратно.

Арчи встал на ноги и, сменив испуг на улыбку, побежал, толкнув Эриса. Ребята продолжили свой путь до озера. Но всю оставшуюся дорогу Арчи то и дело оглядывался по сторонам. Деревья мелькали мимо, и вот показались скалы, — а это значит, что озеро уже совсем близко. Наконец деревья расступились и открыли вид на поляну с огромной, как на первый взгляд, ямой, окружённой скалами из чистого чёрного гранита. Внутри проглядывались белые породы, белая глина и песок, но дна не видать. Чем глубже, тем лазурнее становилась вода. А сверху, на поверхности, кристально чистая.

— Какая красота... — восхищённо сказала Элиза.

— Да... — согласился заворожённый Эрис. — Вот бы сейчас с разбега прыгнуть в него!

— Да, жаль конечно, что искупаться в нём можно лишь для того, чтобы искупить грех, — С сожалением проговорила Элиза, присев у самого края обрыва и взглянув в глубь озера.

— А считается ли грехом искупаться здесь без греха на душе? В таком случае, можно прыгнуть сюда и целых два раза! — с улыбкой воскликнул Арчи.

Вдруг подул ветер. Вода в озере, ранее похожая на стекло, покрылась рябью. «Не добрый это знак», — мелькнуло в голове у Арчи, пока он глядел на воду. И тут же Арчи пронзил холод и дрожь, — ощущение, что кто-то наблюдает за ним издалека. Арчи медленно повернулся и взглянул в сторону лесной чащи. Там, совсем неподалеку от него, в тени стояло существо, внешне человеческого строения, но без рук и ног, просто сплошное тело из тьмы. На голове этого существа проглядывался грибочек: красная шляпка, зелёная ножка — единственная деталь, на которую Арчи обратил особое внимание. Он смотрел на существо и не знал, что делать. у мальчика пропал дар речи. Эрис это заметил и проследил за взглядом Арчи.

— Арчи, Эрис, может быть пора уже, — начала Элиза, всё ещё не отводя взгляда от озера.

— Элиза, сестрёнка, ничего не говори, — испуганно перебил её Эрис. Он не сводил глаз с существа в тени деревьев.

— Почему? — возмутилась девочка.

Эрис фыркнул. Элиза поднялась и посмотрела на мальчи-

ков, а потом в лес, — туда, куда они смотрели. Девочка успела лишь вскрикнуть не громче мыши, как возле неё, прикрывая сестрёнку собой, встал Эрис, а с другой стороны подошёл Арчи. Он сжал левую руку в кулак и направил её в сторону существа, пригрозив тому отцовским перстнем.

— Не зря папа дал мне его, — испуганно прошептал Арчи.

— Почему оно стоит? — дрожащим голосом спросил Эрис. — Может, они и правда боятся серебра и воды из этого озера?

— Вроде ещё не темно, так почему оно здесь? — спросила Элиза, и глаза её наполнились слезами.

Арчи кивнул в сторону Эриса, а свободной рукой дал знак, что надо бежать. Но Эрис не повернул головы, — он смотрел в сторону леса. Тогда Арчи взял его за край рубашки и потянул сторону тропинки. Ребята зашагали бочком, не сводя глаз с существа. Оно было полностью чёрным: ни глаз, ни рта. То, что оно следило за ребятами, выдавал лишь грибочек. Он поворачивался вслед за ними в такт их движениям. Осторожными шагами ребята дошли до тропы. Элиза заметила краем глаза, что солнце уже уходило за гору. Это означало, что совсем скоро придёт тьма, и такие существа окажутся повсюду. Элиза дёрнула Эриса и указала пальцем в сторону солнца. Мальчики наконец оторвали взгляды от существа и посмотрели на небо.

— Бежим! — закричал Арчи и рванул вперёд.

Брат с сестрой быстро взглянули в сторону леса и вдруг поняли, что существо пропало. Не теряя ни секунды, они полетели вслед за Арчи. Тот бежал не прямо по тропинке, а через деревья и кусты, чтобы сократить путь. Эрис и Элиза пытались окликнуть его, но мальчик бежал без оглядки и не слышал ничего, кроме шума листьев и собственного сердцебиения. Тогда Эрис и Элиза решили пойти по тропе сами, чтобы не сбиться с дороги и точно вернуться в город до наступления темноты. Эрис бежал впереди, держа сестру за руку. Элиза то и дело оборачивалась, ища взглядом то существо, то Арчи, в надежде, что он вернётся на тропу.

Но Арчи в это время летел и прыгал через кусты, оббегал деревья, спотыкался, но продолжал бежать. В один момент он запнулся о большие черные корни и упал на землю. Ножичек выпал из его кармана и затерялся в листве. Весь в сухой земле и иголках, мальчик осторожно приподнялся на колени, отряхнул лицо, ойкнул пару раз и взглянул вперёд. Оказалось, он приземлился на какую-то тропу без начала и конца — вытоптаный участок метров семь в длину, среди деревьев и кустов. Посреди этой тропинки возвышалась большая каменная арка: два длинных камня, воткнутых в землю, держали на себе огромный булыжник. Камни были резные, покрытые буквами на святом языке. Арчи медленно приподнялся на одно колено и увидел за сосной позади арки то самое чёрное существо. Грибочек на его голове явно давал, что оно смотрит прямо на мальчика.

Арчи не шевелился. И вдруг существо сорвалась с места и стремительно двинулась прямо на него. Арчи подорвался и одним рывком схватил свой кинжал, сгребя вместе с ним охапку сухих листьев. Существо резко, словно ударилось обо что-то, остановилось и перестало двигаться на Арчи, а затем развернулась в обратную сторону. Гриб на голове этого нечто то поворачивался на мальчика, то отворачивался, словно существо мечется между страхом и жадой достать свою жертву. Так и не решившись, нечто стало удаляться.

Арчи ещё некоторое время пристально наблюдал за черным силуэтом, а затем взглянул на мусор, зажатый у него в руках. Среди листьев и тонких веточек он увидел бурую шерсть с плотью, на которой запеклась кровь и остались следы клыков. Арчи закричал и отбросил комок в сторону. Существо резко оживилось и тут же рвануло прямо на Арчи. И тогда, уже не надеясь на спасение, но цепляясь за последнюю, почти угасшую искру надежды, Арчи вытянул вперёд руку — ту, на которой сверкнуло кольцо.

Существо остановилось. Оно стало наклонять верх тела вместе с грибочком — скорее всего, это была его голова, — в разные стороны, будто стараясь разглядеть кольцо. У Арчи на лице от страха и безнадёжности стали наворачиваться слёзы. Он не знал, что делать. Мальчик смог лишь закричать во всё горло: «Уйди!», но крик не разнёсся по лесу. Он словно отразился от деревьев и устремился обратно в голову Арчи. Существо издало глухой хрип, похожий на недоуме-

ние. И тогда испуг покинул Арчи, осталась только настороженность. И тихо всхлипывая, существо вдруг развернулось и ушло обратно в лес. Всего пара сосен мелькнула позади него, и нечто исчезло.

Арчи бросил кинжал на землю, отряхнулся. Он снял кольцо и, сжимая его в кулаке возле груди, медленным пошатывающимся шагом двинулся сквозь лес, в город.

В это время перед испуганными Эрисом и Элизой наконец стали проглядываться огромные стены из брёвен, вновь слышалось пение птиц. Как только брат и сестра добежали до ворот, силы покинули их. Они не смогли проронить и слова, лишь тяжёлое дыхание и гримасы ужаса. Когда часовые спустились с башен, у ворот собрались люди, в том числе и отец Арчи. Взрослые стали расспрашивать детей, стражники преградили проход своими щитами.

— Там, у озера... — промычал Эрис на руках у стражника. — Там монстр!

— Нам не показалось, — поддержала брата Элиза, — оно наверное забрало Арчи.

— Он бежал не с нами — не по тропе, он свернул в чащу...

Из рук отца Арчи выпали пергамент и перо. Подоспевшие на подмогу воины подхватили его, чтобы тот не упал.

— Отряд, — тихо проговорил отец копейщику, державшему его, — срочно. Пока солнце высоко...

Не прошло и получаса, как вооружённый отряд из семи

человек вместе с отцом Арчи отправился в лес. Но время шло, солдаты всё не возвращались, Арчи не вернулся, а солнце уже село. Ворота не закрывали — надеялись, что хотя-бы отряд воинов вернётся. На страже стояла вся оставшаяся армия Олло. Отряд лучников был наготове, копейщики закрывали проход щитами, а позади них пехота держала в руках факела и мечи. Весь военный строй замыкала дрожащая мать Арчи. Из леса доносился ужасный вой, слышался то шорох, то хрюканье и быстрые шаги, а затем рычание и скрежет когтей о камни. Но ничто не выходило — оно боялось света.

Вдруг вдали показался силуэт, покачивающийся с ноги на ногу, из стороны в сторону. Все направили на него копья и стрелы. Воевода вышел вперёд щитов и, осветив округу факелом, узнал Арчи. На глазах у матери навернулись слёзы, Элиза с Эрисом подпрыгнули на месте. Воевода уронил факел. Его тут же затушил ветер. Света стало мало. Ужасные звуки и шорохи усилились во стократ.

— Быстрее, Арчи! — закричал воевода, протягивая свои руки к мальчику.

Арчи упал прямо в ладони мужчине. Воевода подхватил его и, прижав к груди, побежал обратно, за щиты своих воинов. Уже в городе он передал мальчика в руки матери.

— Ждать отряд, — приказал всем воевода. — Даже если придётся стоять здесь всю ночь, мы не должны кого-либо потерять сегодня.

Ожидая своих мужей, отцов и сыновей, несколько семей

осталось у ворот. Рёв, доносящийся из леса, был страшен как никогда. Но в один миг все звуки утихли. Послышался шорох и чьи-то тихие шаги.

— Ты никого не видел? — спросил у Арчи старый священник. — Совсем? И никто тебя не тронул?

— Да, дядя Дионис. Никто. Это всё кольцо отца, правда? — мальчик взглянул на мать. Залитая слезами, та лишь кивнула и осторожно отвернулась.

Священник Дионис не проронил ни слова — лишь посмотрел на мальчика так, словно глядел ему в самую душу. Он пробормотал что-то на святом языке и ушёл к себе.

В этот момент из леса донеслись человеческие крики, а следом за ними — всё тот же рёв, чавканье и что-то похожее на хихиканье. В тот же миг из-за деревьев вырвались три окровавленных воина. Один из них не мог идти: что-то тянуло его обратно. Второго держал по руки и вёл отец Арчи. Лучники выпустили стрелы в сторону леса, чтобы существа забоялись их и отошли. Отец Арчи смог довести бойца до копейщиков, после чего сам упал без сил. Его тут же подняли и потащили внутрь.

— Закрыть ворота! — закричал воевода, и крик его прошёлся среди солдат.

Бойцы зашумели. Те, кто стоял на проходе — отошли назад. Лучники побросали своё оружие, взялись за канаты и потянули их, чтобы поскорее закрыть ворота. Огромные бревенчатые ворота со скрежетом поползли по земле, закрывая

проход.

Воевода взял под руку отца Арчи и повёл его к лечебнице. За ними, плача, пошла и мать. Арчи остался следить за суматохой. В руке он сжимал кольцо.

Когда ворота почти замкнулись, из леса выбежало огромное чёрное существо. Арчи не смог разглядеть его отчётливо. Увидел лишь то, что существо прыгало на четырёх ногах, на голове у него не было глаз — один только большой рот, кривые, местами гнилые зубы и странная жижа, стекающая по лицу. Существо с грохотом ударилось о ворота. Этот удар и звук застряли в голове у Арчи. Они повторялись вновь и вновь, вновь и вновь, пока Арчи не открыл глаза.

С того дня прошло девять лет. Все раны отца зажили, осталась лишь хромота на левую ногу и странная необъяснимая обида на сына. Слезы матери давно высохли — их осушили улыбки мужа и сына, и простая радость оттого, что они живы.

Жизнь по-прежнему цветёт в Олло. Только вот Арчи все не счастлив. Чувство, что из-за него погибли люди, могли умереть его лучшие друзья, не оставляло его в покое. Чёрный силуэт с грибом, монстр, который мог убить отца, преследовали его изо дня в день в ночных кошмарах. Единственным, в чью защиту он до сих пор верил по ночам, был Аррон.

А вернее, один лишь его портрет над кроватью Арчи, в виде могучего медведя, окружённого цветами и орлами. Больше не было ничего, что могло бы внушить ему надежду.

Утро начиналось как и всегда. На улице слышались крики петухов и птиц. Мать уже повсюду гремела посудой в основной части дома, где стоял один большой семейный стол, окружённый шкафчиками для еды. Отец тоже уже проснулся и скорее всего сидел на лавочке рядом с домом.

Арчи только раскрыл глаза. Увидев солнечный свет через щель между полом и дверью, он заставил себя подняться. В эту ночь, как и всегда, ему приснился тот самый день, и проснувшись, Арчи первым делом посмотрел на портрет Аррона, глазами, полными надежды. Когда буйное сердце наконец умирилось, силуэты монстров перестали мелькать перед глазами, юноша вышел из спальни.

В комнате приятно пахло. Мать, как и всегда, приготовила для всех традиционный вариант первого приёма пищи: по сырому яйцу, салат из разных видов капусты, овощи и колбаску для главы семьи.

Отец был на улице. Мать накладывала каждому в тарелку капусту. Арчи скривился, потянулся, зевнул. Медленно подошёл к столу, взял в руку свежий, хрустящий кабачок и захрустел им.

— Арчи, — возмутилась мать, — Что за дурная привычка? Не можешь подождать пока все не сядут за стол?

— Ну, а я и не сел за стол, — чавкая, сказал Арчи с улыбкой, — я стою.

Мать лишь покачала головой.

— Ты у нас, прям как у пчёл-трутень, — заворчал отец, входя в дом. — Ешь, спишь — и всё за чужой труд, а сам ничего не делаешь!

— Пап, не начинай. Ты же знаешь, что у меня есть работа! У меня просто от неё отдых большой.

— Вот напомни мне, — кряхтя, сел за стол отец, — как часто твой подсолнух семечки даёт?

— Подсолнечник цветёт раз в три-четыре месяца. Но ты же сам знаешь, что я из него ещё и делаю масло, которым заправляют наши лампы, а значит, что я вношу очень важный и, наверное, даже главный вклад в жизнь наше города!

— Но всего раз в четыре месяца, — злостно подытожил отец.

— Но я же не только на острове подсолнечниками занимаюсь, а ещё и в городе женщинам помогаю с ними, — Арчи закинул в рот ещё пару кусочков кабачка и добавил с набитым ртом: — И помимо масла, я много чего привожу с острова. И ухаживать за кабанами надо не раз в четыре месяца!

Отец недовольно схватил со стола одно яйцо и принялся чистить его верхушку. Сделав небольшое отверстие в скорлупе, он запрокинул голову и стал высасывать из яйца белок

с желтком. Бросив пустую яичную скорлупу на тарелку, мужчина протянулся за миской с капустой. Пока отец ел овощи, Арчи нагло взял колбаску, традиционно принадлежащую отцу. Перед поеданием какого-либо мяса в Олло было принято в слух благодарить тех, кто отдал свою жизнь за добычу этого продукт. Но Арчи, с невозмутимым лицом и без каких-либо слов, просто откусил кусок колбаски и принялся жевать, глядя на стол.

Отец поперхнулся, мать прикрыла рот рукой.

— Ты вовсе озверел? — яростно закричал отец.

— Почему? Эта колбаска для главного в доме, верно? Я вот, даю нам огонь — защиту от лесных тварей, а значит все мы живы благодаря мне!

— Ах, значит себя главным считаешь?! — Всё больше злился отец.

— Ну да. Ты, папенька, у нас — очаг семьи. Не выбрал бы ты маму, то не родился бы я и не объединил вас. Поэтому я главный в семье, а ты просто очаг.

— И давно ты это всё придумал? — всхлипывая спросила мать.

— Ага, ясно... А мама твоя, — прищутив глаза и указав пальцем в лицо Арчи, прошипел отец, — Она кто тогда? Если семейный очаг — я, глава семьи — ты? Мать тогда зачем нам?

— Она — хранительница очага, — Арчи с улыбкой взглянул на сдерживающую слёз мать. — Она не отказала тебе,

растит меня столько лет, кормит нас.

— Всё ты в этой жизни перепутал, — отец пригрозил сыну пальцем.

Арчи молча, без тени робости, откусил ещё кусочек колбасы.

— Я перепутал... — жуя, пробормотал себе под нос Арчи. — А это я, значит, тоже путаю, что наши вожди не отказались от этого места, как от места жительства? Не наши ли потомки стали возводить здесь дома, стену с воротами, копать в пещерах всё, что только можно? Не они ли остались там, где ни дерева срубить, ни оленя зарубить без расплаты за это собственной жизнью? Там, где без света — тебя съедят, убьёшь животное — и тебя покарает неведомая сила. А потом ещё и пристань построили, корабли... И пользы-то от этого — лишь пара островов, на которых и половина нашего населения не умещается. Никому и в голову не пришло искать чего-то большего?

— Ты неблагодарный, не ценящий ничего, кроме собственной жизни, щенок, сейчас учишь меня и всех нас жизни? Хочешь земли? Ночей спокойных? Иди бейся за это! За спокойствие, за земли!

— Что ты?! Зачем биться, когда можно договориться или купить земли? Правда, Олло нечего предложить взамен...

Отец скривился ещё сильнее.

— А по-твоему Аррон со здешними тварями договаривался или вел торговлю, когда принёс жизнь на эти земли?

Он бился за них! За всё в нашей жизни надо биться...

— Уже и ничего не скажи, — прошептал себе под нос Арчи. — Ненавижу я всех! И Аррона, и этот проклятый остров, и вас!

— Бесовщина ночная, — злобно, стиснув зубы, прошипела мать.

Арчи изменился в лице. Он ещё раз взглянул на колбаску, и его чуть не вывернуло наизнанку. Арчи положил её на стол и ушёл к себе в спальню. Там он уставился на портрет Аррона. В отражении стекла он увидел собственное лицо. Тотчас ему стало противно от самого себя, от своих же слов, от собственного же вида. Арчи схватил свою рубаху, накинул её и угрюмыми шагами вышел из дома.

Он устремился напрямиком на пристань. В Олло жизнь шла своим чередом. А Арчи брёл, словно против шерсти. Он глядел на фонари и ему становилось тошно от собственных слов о масле в них. Парень прошёл мимо закрытой кузницы — прямо подле неё, на скамейке, сидел старейший оружейник, весь род которого ковал оружие и доспехи для армии. На душе у Арчи становилось всё тяжелее и тяжелее.

Наконец он дошёл до ворот. Выйдя из города, парень быстрым шагом направился в сторону пристани, все ещё прокручивая в голове слова, сказанные отцу. А следом, будто из тумана, всплыло одно из самых светлых воспоминаний.

Много лет назад, на пристани

Маленький Арчи балансировал на перекладине забора, расположенном на скалистом берегу. Рядом, придерживая сына за штанину, стоял его отец. В маленькой плетёной корзинке горкой лежала земляника. С каждым ударом волны о скалы и брызгами солёной воды, гора ягод становилась всё меньше, а руки Арчи — краснее и слаще.

— Пап, — разглядывая очередную маленькую ягоду начал Арчи. — А что там?

— Где?

— Позади моря, — сказал Арчи, закинув ягоду в рот.

Отец помолчал недолго и сказал с теплом в каждом слове:

— Места, где в одних нет красоты, а другие ослепительные. Места где огромные пустыни... Добрые птицы, но люди злые. Много чего скрывает горизонт от наших глаз, и море дороги не даёт.

— А я хочу везде побывать! Всё увидеть, услышать и попробовать! И ещё, чтобы корабль мой был, как вон тот!

Арчи указал на огромный красивый бриг с белыми парусами, золотистой каймой да тёмно-голубыми бортами. Корабль плыл по волнам, ветер гнал его вперёд, а капитан судна гордо стоял и сверял курс по компасу. Судя по флагу, это было торговое судно из другой страны. Вначале отец насто-рожился, но потом улыбнулся и сказал также тепло:

— Значит будешь.

Глава 2. Ущелье. Стыд

Море было спокойным — стоял полный штиль, и вода казалась гладкой, как зеркало. Рябь на воде вдоль берега наводили мальки и вёсла старенькой лодки. В ней сидел старичок в длинном чёрном кафтане, украшенном росписью на святом языке, в заграничных сапогах и старых штанах бурого цвета. В лодке у него было огромное количество различных банок с жуками, бабочками и растениями. Много разных корзинок: одна с рыбой — для обмена в городе, вторая с водорослями, а в третью он складывал всякие грибы, и к ней был привязан ножик. Где-то среди всего этого добра завалилась удочка, что-то наподобие то ли кирки, то ли топора или лопаты, карта и какие-то бутылки с выпивкой, которые старик выменял давным-давно у одного пирата взамен на свой лодочный парус.

Дедок плыл вдоль берега и искал что-то на суше. В основном, всякие травки, из которых он делал специи, а также ягоды и грибы. Репутация в Олло у этого старца была не очень хорошая. Он остался без семьи. Его жена заболела и умерла, два взрослых сына отправились в морское путешествие и не вернулись — скорее всего, они где-то остались, но вероятнее — их судно захватили пираты, а родители давно уснули вечным сном. Жил старик в старой шахте под городом, где раньше добывали железо и уголь. Там из камня и глины он собрал себе жилище — внутри спальное место и много разных коробок, мешков и хлама. Так и происходит в тени его

жизнь, да в такой темноте, что никто его имени и не знает...

Когда старик проплывал мимо какого-то интересного для него участка, он бросал вёсла, пристально смотрел, прищурившись и почухивая хлипкую, седую бородку. Так он огибал остров почти каждый день. Много чего видел и собрал он вдоль берега.

Добравшись до северной части острова, где горы давали на воду лёгкую тень, старик остановился, чтобы полюбоваться видами. Вода кругом блестела от солнечных лучей, вокруг лодки столпились маленькие рыбки. Потоки света пробивались сквозь толщу воды и озаряли собой разноцветных моллюсков в причудливых раковинах самых разных форм.

Неожиданно подул ветер. Листья полетели в море, по воде пробежала рябь. В спину старика подул ещё один более мощный порыв и вместе с листьями принёс старцу в затылок тяжёлый, сверлящий взгляд. Что-то не просто смотрело, а словно прощупывало старика, выискивая у него уязвимые места и оставляя после себя на коже ледяной след. Леденящий ужас прошёл. Старик оживился и медленно обернулся, но никого не смог увидеть. Он легонько погладил свою бородку, взялся за вёсла, не отрывая взгляд от леса, и осторожно погрёб дальше. В месте, где лес кончился и начались скалы гор, старик наконец отвёл свой взгляд от суши и продолжил вглядываться в даль.

Лодка плыла, волны понемногу усиливались. Со стороны Туманной гавани дул ветер, неся за собой грозовые облака.

«Не к добру это... Они лишь смерть несут с собой, я уж это точно знаю», — проговорил вслух старик. И вновь тот самый взгляд ударился старому прямо в затылок. Старец тут же обернулся и увидел чёрный силуэт. Ни глаз, ни рта. Ни рук, ни ног. Одна лишь сплошная чёрная фигура и с несколькими грибочками на голове.

В испуге старик хватился за окисленное серебряное кольцо с выгравированными буквами святого языка. Кроме этого священного кольца и моря, простиравшегося вокруг, больше ничто не могло защитить старика.

— Мадемуазель, — сирым голосом закричал старец, — вы заблудились? Вам нужна помощь? Очень интересная у вас шляпа!

Силуэт не издал ни звука, лишь удалился в глубь леса, раздвинув кусты перед собой в разные стороны. Зорким глазом старик увидел, что там, где прежде стояло существо, остался большой красивый куст голубики. Старцу ничего больше не надо в жизни, кроме еды и попытки завоевать уважения в Олло. И со словами «была ни была» он направил лодку к берегу.

Осторожно причалив между двух скал, старик вылез из своей шлюпки и, держась за камни чтобы не упасть, привязал её толстым канатом к ближайшему дереву. Из лодки он взял с собой корзинку и тот самый странный инструмент. Сжимая его в руках в качестве оружия, старик осторожно

пробрался к кусту. Старик присел на корточки рядом с ним и удивился ягодам. Голубика — вся как на подбор: огромные, тёмные, невероятно ароматные гроздья. Потрясённый, старец принялся быстро складывать ягоды в корзину, опустошая ветки одну за другой. Когда заканчивалась одна сторона, старец осторожно прошагивал вокруг куста к другой. Но чем дальше он уходил, тем меньше и темнее становились ягодки.

Наконец робкие шажки увели старика за куст, а вялые ветки показали ему мёртвые, иссохшие плоды, сморщенные, словно изюм, и дурно пахнущие. Удивление на лице старца сменилось недоумением, а вместо радости на душе поселился страх. Старик осторожно оглянулся по сторонам. Он обратил внимание на землю: повсюду была иссохшая трава, напоминающая солому. А чем дальше в лес она уходила, тем менее живой и светлой выглядела, а вдали и вовсе стала горелой. Казалось, трава эта образовала нечто похожее на тропинку.

Старик бросил корзинку с ягодами, вновь вооружился своим инструментом и пошёл по этому странному следу. Трава под ногами хрустела, разлетаясь пылью и пеплом. Ничего живого не было в округе. Чем глубже в лес уходил старик, тем гуще и мрачнее становились заросли кустов, таких же мёртвых и обгорелых. Старик сшибал ветки на своём пути инструментом. Но заросли становились только гуще, даже охватывали скалистый хребет, торчащий из земли.

И вот тропинка из жжённой травы вывела старика к проходу под этим хребтом. Он был закрыт густой чёрной лозой. Рядом с этим спуском под землю старик не увидел ни одного флажка города: ни красного, означающего что тут ведутся работы, ни жёлтого — что в пещере уже всё добыли. Казалось, вот оно — уважение от города почти у него в руках, но мрачный вид этого места все же настораживал старика. Немного раздумав, старец развернулся и быстрым шагом направился в сторону лодки, по свежесрубленным веткам и остаткам травы. Среди всего хлама в шлюпке он откопал масляную лампу. Неподалёку от неё нашёл и кусок кремня. Старик взглянул на небо, примерно оценив, сколько ему ещё осталось до темноты: солнце не дошло ещё и до гор, а значит он успевал. Вот только погода становилась всё хуже, предвещая грозу. Старик поднапрягся, схватил лампу, кремень положил в карман и чуть ли не бегом направился в сторону расщелины.

Подул сильный ветер, точно гонящий старика прочь. Но старец не обратил на него внимания. Он бежал, и хруст веток тихим треском разносился по всей округе. Старику казалось, что он здесь совсем один.

И вот перед ним предстало ущелье. Старик взмахнул инструментом и стал рубить лозу. Ветки полетели во все стороны, и из пещеры донёсся ужасный смрад. Словно сотни мертвецов покоились там, и старик их потревожил. Когда зловоние унесло ветром, из расщелины повеяло холодом, окуты-

вающим не только тело, но и саму душу. Старика всего пере-
дёрнуло. Их кармана он достал кремень, открыл лампу и лёг-
ким ударом железного инструмента о камень зажёл её. Сунув
орудие за пояс, старик пригнулся и полез вниз.

Тусклый свет освещал узкий туннель, ведущий вниз. Впе-
реди, в свете огня лампы, в глаза старику сверкнули ка-
кие-то руды. Старик вытащил свой инструмент, расправил
одно душко, сделав из него кирку, и стал долбить камень.
Когда что-то откололось и упало на землю, старик поднял
блестящий осколок руды и, ударив им о свой инструмент, по
звонкому, тихому и протяжному звуку понял, что это желе-
зо. расплывшись в довольной улыбке, он достал из кармана
небольшой мешочек и сунул железный самородок внутрь.

Чем глубже вела шахта, тем уже она становилось. Оби-
лие различных руд блестели от мягкого света лампы. Среди
обычных, всё также похожих на железо, блестели и разно-
цветные полупрозрачные камни. Самые необычные — тём-
но-фиолетовые, почти чёрные, с белым основанием. Расту-
щие из чёрного камня, они сияли от огня, разливаясь по уз-
кому проходу красивой сиреневой решёткой. Мозаика кри-
сталлов слегка ослепила старика. Прищурив глаза, он отко-
вырял несколько камней и так же сунул их в свой мешочек.

Из дна пещеры вновь повеяло холодом. Мурашки покры-
ли морщинистую кожу старика. Прищурившись прямо во
тьму глубины, старец сгорбился ещё сильнее и осторожно
полез дальше. Камни становились темнее и сменяли друг

друга: сначала светло-серые, как на поверхности, потом тёмные, а между ними — совсем чёрные, пока все стены пещеры вовсе не стали смоляными. Чем глубже лез старик, тем холоднее и страшнее ему становилось. Углубляясь всё дальше, старик стал подмечать, что стены пещеры здесь покрыты чем-то, похожим на плесень — именно от неё и веяло ужасным смрадом. Но этот запах не был ему знаком. «Это не плесень. Моя домашняя пахнет по-другому», — мелькнуло в голове старика. И действительно: несмотря на то, что дома у него имелась богатая коллекция этих грибов, запах *этого* налёта не был похож ни на землистый, ни на затхлый или сырой аромат привычной старику породы. Этот скорее навевал ощущения, захватывающие душу: страх, безнадёжность и панику.

Не прекращая вглядываться в темноту, старик достал своё серебряное кольцо и, потирая его в руках, продолжил своё погружение. Пещера становилась скалистой и расширялась, а её потолок уходил вверх. Старцу приходилось осторожно спрыгивать с одного камня на другой. Когда старик споткнулся, у него ненароком вырвалась парочка браных слов. Ругательства разлетелись эхом вместе со стуком лампы о камни.

Внезапно порывы холодного ветра, доносившиеся из недр, стихли. Остался лишь тянущийся по низу сквозняк, который морозил не хуже. «Словно кто-то дышать перестал», — промелькнуло в голове у старика. Он огляделся по

сторонам, освещая всё вокруг лампой. Вдруг, с самого низа, где спуск переходил в ужасно низкий, но широкий коридор, послышались шаги. Что-то хлюпало, переваливаясь с ноги на ногу, тяжело дыша и скрипя костями. Старик осторожно, почти без звука поставил лампу на камни. Правой рукой прижал ближе к сердцу серебряное кольцо, а левой вцепился в свой инструмент. Откуда-то из-за угла резко вывалилась рука. Она была белая, пронизанная чёрными венами, выпирающими наружу. Рука схватилась за острый камень, продавливая его, пока заострённый край не вылез с обратной стороны ладони.

Старик зажмурил глаза. Сердце его пропустило громкий удар, разнесло от груди по всему телу волну холодящих мурашек. Старец спокойно досчитал до пяти. Осторожно открывая глаза, он нервно выдохнул. «Чего только не причудится в темноте от страха», — проговорил старик вслух. Он нервно положил инструмент на землю. Из-за пазухи достал верёвочку, осторожно продел её в кольцо и повесил талисман на шею. Взяв лампу с инструментом, старик продолжил идти по коридору.

Скалы становились всё более острыми, точно копыя. Старик мягко спрыгнул на ровную поверхность и осторожно осмотрелся по сторонам. Сердце стучало в ушах, дышать стало тяжело. Неожиданно резкая боль пробила подреберья старичка. Держась за грудь, он осторожно присел, поставил лампу, а из-под рубахи достал склянку, всё это время висев-

шую на кожаном поясе. Вытащив из сосуда пробку, старик опрокинул содержимое себе в рот. Он скорчился от отвращения, но выдохнул с некоторым облегчением. Старик ещё немного посидел так, смотря в пол и держась за левую сторону груди. А когда боль в сердце постепенно стала отпускать, старец поднял глаза и стал осматриваться повнимательнее. И вдруг в маленьком проходе, буквально в метр высотой и полметра в ширину, старик заметил едва пробивающийся свет. Свечение было мягким, нежно-голубого цвета. Старик привстал, подхватил лампу и быстрым шагом направился в ту сторону. Подойдя к проходу, он выдохнул, втянул живот и полез.

Пролезая вдаль, старик понял, что свет этот излучали маленькие грибы. При свете его лампы, они переставали светиться, и старец смог разглядеть, какими кристально белыми, как лепестки ромашки, они были. Целые, не надкушенные, не сломанные ни ветром, ни каким-либо животным. По лицу старика расплзлась улыбка, полная восхищения. Он то протискивал лампу ближе к грибам, то отдалял её. Сначала свечение грибочков, а затем и лампы, словно в зеркале, отражалось в глазах старца. Он взглянул на лампу и, увидев, что масла в ней осталось совсем не много, поднапрягся и продолжил лезть дальше.

Неожиданно раздался приглушённый капающий звук. Старик насторожился. Наконец тоннель закончился и перед ним открылась огромная пещера. Старец выдохнул в послед-

ний раз и резким рывком вылез из узкого коридорчика, оборвав штанину о заострённый камень.

— Тьфу! Каменюка-баламошка! — грубо и звонко произнёс старик. Его слова разнеслись тихим, но уверенным эхом по всей пещере.

Старик нервно сглотнул и продолжил осторожно осматриваться вокруг, освещая стены мрачного зала тусклым светом лампы. Капающий звук раздался вновь, уже совсем рядом со стариком. Тот резко обернулся и увидел прямо возле своих ног большое озеро, покрытое рябью от упавшей капли. «Вот старый, чуть не свалился», — проговорил про себя старик. Старичок осторожно присел рядом с водой, вдохнул полной грудью и почувствовал нежный запах морской воды. Слегка улыбнулся и окунул руку в озеро.

Едва его пальцы коснулись воды, как та вспыхнула ярко-синим светом, и рябь разнесла это сияние по всей поверхности. Старик одёрнул руку. Собравшись с мыслями, он снова окунул пальцы в воду, и поверхность озера вновь стала светиться ярко-голубым мерцанием, словно вода наполнилась сотнями светлячков. Старик зачерпнул немного холодной воды и поднёс её к сощуренным глазам: в воде плавали микроскопические рыбёшки, похожие на медуз. Они активно дёргали своими крошечными лапками и испускали то самое приятное лазурное свечение.

Старик растёкся в улыбке до ушей. Он вылил остатки обратно в озеро, и едва вода коснулась поверхности, как все

те крохотные рыбки пришли в движение — они заметались, засверкали и, уходя вглубь, вспыхнули ярким, живым светом. От света этих необычных жителей подземных вод осветился весь зал. Прищурив глаза, старик осторожно привстал и огляделся по сторонам. По потолку пещеры разрастались огромные заросли какого-то мха с проблесками всё тех же грибов, что встречались старцу ранее и каких-то ягод.

Неожиданно с дальнего конца пещеры послышались хлюпающие звуки. Водные жилы потихоньку перестали излучать своё свечение. Местами на стенах начинали мерцать грибочки. Улыбка сползла с лица старика. Страх медленно, но уверенно наполнил его сердце. В одно мгновение старец заметил, что грибы стали излучать свет в какой-то определённой последовательности, словно танец пчёл, ведущий что-то или кого-то прямо к нему. Хлюпающие звуки становились всё громче, приближаясь к старику.

Старец кружился на месте, лихорадочно озаряя всё вокруг себя лампой. Но никого и ничего не было видно. Наконец звуки затихли. Старик замер. Его рука, сжимающая ручку лампы, была поднята вверх, а вторая держалась за сердце. Тяжёлое дыхание и сердцебиение старца шумело у него в ушах. По ногам пополз холод. Тошнотворный запах ударил старику в нос. За спиной послышался хрип, словно исходящий из лёгких, наполненных жидкостью. Раздался скрип и треск костей. Ещё более омерзительный смрад ударил старику в нос. Вновь раздался тяжёлый выдох в сопровожде-

нии ужасного хрипа, вызывающего мурашки. По спине старца пробежал холодный ветерок.

— Ему нужна еда, — прозвучало за стариком. Голос был невероятно низким, ужасно хриплым, и звучал глухо, словно из бочки.

Снова раздался ужасающий хруст и скрип костей. Краем глаза старик увидел ужасные чёрные когти. Он резко выдохнул. Тело перестало его слушаться. Пальцы ослабли. Рука онемела и сама разжала лампу. Ноги сами собой понесли старца в сторону. Шея самовольно повернула голову, а корпус — следом. Лампа с грохотом разбилась о каменную поверхность. Шум разнёсся по пещере эхом. Масло разбрызгалось в стороны и загорелось.

Огненная стена возникла между нечистой и стариком. Существо лишь издало тяжёлый, протяжный хрип, сделав пару шагов назад. Старик смог увидеть его ногу в свете огня: обтянутый серой кожей скелет с ужасными, переломанными пальцами и длинными чёрными когтями. Дыхание старика прерывалось. Сердце колотилось. Не отрывая взгляда от ноги существа, старик стал медленно ступать в сторону узкого прохода. Он сделал два быстрых неполных вдоха и, вскрикнув, быстро рванул в коридор. Старик тяжело дышал, ударился плечом о стены и стал неосторожно протискиваться, попутно крича во всё горло. Он бился о холодные поверхности пещеры, ломал грибы, растущие на них. Руками отталкивал себя от стен, быстро перебирал ногами. Старик сбил

себе все мозоли в кровь, пока с грохотом не выпал из коридора.

Наступила тишина. Старец лежал на холодных камнях. Сердце безумно болело и колотилось. Наконец, он привстал на колени. Морозный ветерок тянулся по полу. Не слышно ничего, кроме шума ветра и громких ударов сердца старика. Старец нервно глядел по сторонам. Осторожно поднявшись на ноги, он, не издавая ни звука, направился в сторону подъёма вверх. Ориентироваться ему помогали камни на полу — чем ближе к подъёму, тем выше и острее они становились.

Старик шагал в крошечной тьме, пытаясь что-то нащупать перед собой. Много он не прошёл, как тут же споткнулся и упал. Удар стального инструмента о камни повторился неоднократным эхом. Старик замер, закрыл глаза, не дыша. Этот хлюпающий звук шагов вновь зазвучал где-то в дальнем конце зала.

Старец открыл глаза. Взял инструмент в руку и прижал его к груди. Он продолжил ползти к подъёму на четвереньках. Наконец старик смог нащупать хоть и очень маленькие, но всё же острые камни. Выход близко. Вот только звук шагов тоже становился всё ближе. Помимо однообразного хлюпанья в шагах стал различаться и хруст костей. Вдруг, в одно мгновение все звуки прекратились. Старик перестал дышать. Сердце забилось тихо, словно боялось шуметь. Ветер перестал носиться по тёмным коридорам. Словно весь мир прекратил своё существование. Старик замер и совсем пе-

рестал шевелился.

Звук медленно открывающегося рта сопровождался липким, вязким шумом, словно воздух проходил через влажную среду. Тёплый выдох погнал по лицу старика мурашки. Омерзительный запах из пасти твари заставил глаза старца слезиться, а мышцы содрогаться от страха. Рука несчастного обхватила инструмент крепче. По дряхлой коже пронеслась дрожь. Существо злобно, напряжённо, со скрежетом зубов зарычало.

Кровь хлынула по жилам. Старик замахнулся и нанёс своим инструментом твари сильный удар. Острая часть орудия вонзилась в плоть монстра. Существо неестественно заскулило и рвануло с места. Инструмент, оставшийся в твари, стал разрывать плоть создания. Старик почувствовал, как острые иглы с огромного тела существа осторожно прошлись по его коже. Инструмент вышел из грубого массивного тела. Не теряя ни секунды, старик побежал вверх. Позади себя он слышал демонический рёв, топот огромных лап. Металлический инструмент бился о камни. Старику казалось, что это существо гонится за ним. От этого он перестал обращать внимание на лбое своё падение, на боль от ударов об острые скалы. «Рано мне видеться с детьми... рано...» — проговаривал про себя старик.

Выход из ущелья был уже совсем близко. Солнечный свет, пробивающийся сквозь густую хвою, ослепил старика. В его ушах его зашумело. Дышать стало ещё труднее. Каждый удар

сердца — жуткая боль, сковывающая движения. Наконец, острые камни, стирающие ладони старца в кровь, сменила сухая трава. Руки упали в пепел и солому. Лицо коснулось земли. Старик вылез из ущелья по грудь. Подталкивая себя ногами, он выполз на свет и свернулся калачиком. Голова гудела. В глазах всё плыло. Холодный ветер подул в сторону моря, унося за собой листву.

Неожиданно из ущелья донёсся шёпот. Слов было не разобрать, и лишь последние прозвучали чётко: «Ему нужна еда». Бледная рука потянулась из мрака. Едва старик более или менее пришёл в себя, холодный пот проступил на лбу, и старца до дрожи пробило ощущение, что кто-то тянет его назад. Старик начал сопротивляться, цепляться руками за всё, что только можно, пока наконец он не вырвался из мёртвой хватки существа. Обернувшись, он увидел на земле два белейших оторванных пальца. Они тут же стали тлеть и быстро разлагаться на солнце. Рука, оставшаяся во мраке, лишь слегка обуглилась от света и залила каменистую землю чёрной, как ночное небо, жижей.

Старик вскрикнул. Подминая под собой солому, он быстро двинулся вглубь острова. Поднявшись наконец с четверенек, старик громко закричал. Он бежал и вопил во всё горло. Бежал и кричал, бежал и кричал...

В это же время Арчи стоял на пристани. Он был там же, где и много лет назад — счастливый, с отцом. С грустным видом Арчи смотрел на развивающийся флаг. Неподалёку, в своей будке сидел сторож пристани. Увидев Арчи, он с просветлел в лице, отворил калитку на ржавых петлях и, прихватив с собой рядом стоящую трость, похромал в сторону Арчи.

— Чудный денёк, не правда ли? — прозвучало сквозь шум ударов о берег волн.

Арчи лишь обернулся в сторону сторожа и приветливо улыбнулся ему. Он ничего не ответил, ведь сторож был почти глух и толком ничего не слышал. Арчи отошёл от перил и направился к старику, выдавливая из себя улыбку.

— Здравствуй, Дядя Джек, — чуть-ли не крича проговорил Арчи и протянул сторожу ладонь.

— Здравствуй, Арчи, — старик широко улыбнулся, во все свои четыре зуба, пожал ладонь Арчи двумя руками, а затем слегка приобнял парня.

— Моря спокойное сегодня, правда? — начал разговор Арчи.

— Ох, пришёл бы ты чуть пораньше — увидел бы воистину спокойное море! Гладкое, как тело любимой девушки, — хихикая, произнёс Джек.

— Всё у вас, Дядя, об одном.

Арчи вновь сделал пару шагов к перилам, и облокотился на них. Дядя Джек осторожно подошёл к парню. Одной ру-

кой он тоже взялся за перилу, а второй опёрся о трость.

— Шторм внутри тебя, не так-ли? — очень тихо, несвойственно для себя, спросил у Арчи Джек.

— Вот у вас очень тяжёлая работа, Дядь Джек? Вы живёте возле моря, в этой тесной и душой будке. Внимательно осматриваете горизонт. Казалось бы, задач немного, но они очень важные, ведь так?

— Да, спорить не буду — делать нечего тут. Но и ответственность очень большая. Вдруг пираты — я дёргаю верёвочку и у вас в городе звенит колокол. А если торговец, то подаю ему любезный знак флажочками, хе-хе.

— А вот вы помните, когда к нам в последний раз приплывали пираты или торговые судна? Уже все давно поняли, — что пираты, что другие страны, — у нас ничего нет.

Старик хотел что-то сказать и уже было открыл рот, но сразу же передумал, ведь Арчи был прав.

— Вот я всё-таки, хоть и много отдыхаю, но ничуть не бесполезен. Я создаю бóльшую часть масла, которое использует весь Олло. А также и рыбачить могу, и водоросли собирать, и за кабанчиками присматриваю, пока я нахожусь на Золотом острове. Я же не просто бездельник! Я вовсе не бездельник!

— Кажется я понял, — почесав затылок, сказал Джек. — Отец попрекать начал?

— Я хочу ему доказать, — замахал руками Арчи, — что я всё это время на острове работаю, а не сижу, как дома! Я за эти три-четыре дня могу отработать больше, чем кто

либо! Чего стоят только восемь бочек, полных водорослей, три ящика огромных пеленгасов и все семечки, что я успел переработать в масло! Я даже с двумя кабанчиками успел разобраться! А отец... — Арчи махнул рукой. Он растёкся в обиде. Скулы свело, веки задёрнулись.

— Не пойми меня неправильно, но твой отец хочет тебе всего лучшего. Как минимум, чтобы ты не унаследовал судьбу своего друга.

— Убивать Эриса было слишком несправедливо, — злостно, с обидой голосе проговорил Арчи.

— Но, как не погляди — он отнял жизнь человека. Не врага, а сородича, — глядя на море проговорил Джек.

— Арес был человеком без чести и совести. То, что у него не было родителей, не давало ему права на несоблюдение традиций и веры! Он не должен был лезть к Элизе, — раздражённо сказал Арчи, крепче сжимая перилу руками.

— Напомни-ка старику, как дело было? — Джек взглянул парню прямо в глаза.

— Арес может быть и любил Элизу, но она его нет! Её родители тем более не давали согласия. А он лез к ней всегда. И в тот день Арес мало того, что обнял, так ещё и поцеловал Элизу. Эрис не стерпел оскорбление сестры и семьи. Поздно вечером он стащил отцовский кинжал и вызвал Ареса на бой.

Арчи повернулся спиной к морю и закрыл глаза.

— Ему даже не дали шанса, не позволили искупаться в

озере, — пробормотал себе под нос Арчи.

— Его отец с ним был чересчур суров, — прокряхтел Джек, поворачиваясь так же, как и Арчи. — Позволить оставить на роду воевод клеймо убийц он не смог, так же, как и убить собственного сына. Уже ночью, я лично видел, ему дали бревно в качестве плота, и доску — как весло. Отец пустил его в плавание.

Арчи долго молчал.

— Считай убили, просто не сразу.

— Вот и твой отец хочет, чтобы ты нашёл дело, которое закалит тебя. Ведь ты с Эрисом, как глаза — различие у них стороны на теле, а у вас семьи... Конечно, кто-то может и не понять моих слов, но суть ведь ясна, не так-ли?

Арчи выдавил лёгкую улыбку. В голове закрутились счастливые воспоминания из детства.

— А перед отцом, если ты его обидел, надо извиниться, — сказал Джек покашливая.

Улыбка сползла с лица Арчи. Он достал из кармана серебряное кольцо, подаренное ему отцом. Вглядываясь в него, Арчи словно заново увидел родителей: лицо матери, полное отвращения, и отца — гневливое и непонимающее.

— Если гресишь так не в первый раз, то должны простить, — по-доброму сказал Джек и похлопал Арчи по плечу.

— Грех... — пробубнил себе под нос Арчи. — Дядь Джек, у любого конфликта есть точка невозврата. А грехи вечно не

получится смывать в озере...

Парень замолчал. Джек ничего больше не говорил. Только шум заканчивающих свой путь волн и редкие тяжёлые вздохи обоих нарушали эту безмолвную тишину. Арчи медленно вертел кольцо меж пальцев, осторожно поглаживая рисунки и надписи на нём.

Вдруг из глубины леса послышался истошный крик. Птицы закричали, захлопали крыльями и поднялись в высь. Крик повторился. Арчи натянул кольцо на палец и сжал кулаки. Джек метнул взгляд в сторону, откуда доносились вопли, но увидел лишь надвигающиеся из-за острова грозовые облака.

— Крики средь бела дня, грозовые тучи с Туманной гавани... Ничего хорошего можно не ждать, — обеспокоено покачал головой сторож. — Ступай, Арчи, в город. За меня не переживай — Аррон защитит!

Арчи снова выдавил из себя улыбку, робко пожал руку Джеку и быстрыми шагами направился в город. Истошные вопли не смолкали, и чем ближе к городу, тем громче они становились. У ворот собралась вся стража. Копейщики закрыли проход щитами и копьями, позади встали мечники, наострившие острия своих мечей вверх. Лучники на стенах стояли наготове. Воевода встал со стрелками. Крики приблизились к городу вплотную. На тропе показался Арчи — и лучники тут же взяли его на прицел.

— Арчи! — закричал воевода. — Ни шагу, не смей шеве-

литься! Если что — беги!

Крики прекратились. Из леса стали доноситься громкие шорохи. Резко, под хруст веток, из леса выпал бледный старик. Он был весь в пыли, вспотевший и перепуганный.

Глава 3. Побег

Старик упал на колени, ветки схлопнулись за спиной. Арчи, словно молния, рванул к старику.

— Арчи, не беги, — закричал воевода, направляясь к лестнице.

Арчи не послушал. Он подбежал к старику. Осторожно взяв его за руки, парень помог старцу встать на ноги. Воевода с несколькими мечниками проскочили сквозь щиты и направились к ним. Арчи взял старика под руку, но тот не смог устоять на ногах и снова стал падать. Парень вновь попытался поставить старца на ноги, но без успешно. рчи сомкнул руки вокруг груди старика, плотно прижал его к себе и потащил в сторону солдат. Он чувствовал, как сильно колотится сердце старичка, его тяжелое дыхание и холод тела.

Воевода замедлил шаг. Мечники подбежали к Арчи и старику, взяли немощного под руки и поволокли в сторону ворот. Воевода подошёл к Арчи:

— Ты храбрый, спору нет. Но думать тоже не забывай! — Воевода стиснул зубы и наклонился к лицу Арчи совсем близко: — А если за ним что-то гналось? И тебя, и его могли сожрать!

— Дядя Лотар, как показывает практика — я никому не нужен. Ни тварям, ни вам всем! — Арчи растёкся в надменной улыбке.

Воевода скривил лицо. Звеня кольчугой, он резко развернулся и последовал за мечниками.

Копейщики раздвинули щиты. В город заволокли старика, следом зашли Лотар и Арчи. Старца усадили на скамейку. Воевода громким и звонким голосом приказал закрыть ворота. Воины зашумели, зашевелились. Пара мгновений — и ворота захлопнулись.

Вокруг старика стали собираться люди. Ему подносили воду в куксах, влажные, прохладные льняные полотенца. Старик не произносил ни слова. Лотар подошёл к нему ближе, приклонил колено. Положил руку, облачённую в тяжёлую кольчугу, на плечо старика, и грубо, с мрачным видом, произнёс:

— Спокойно, старик. Скажи, что тебя там догоняло? Что это было?

— Там мрак! Там смерть живёт! Оттуда всё злое исходит. То место — обитель их.... Я вас уверяю, поверьте мне, хоть раз, — голос, наполненный страхом, дрожал.

Воевода снял тугую кольчужную перчатку и протянул её старику в знак доверия. Старец осторожно взял её за напалок, с некоторой настороженностью взглянул в глаза Лотара, но одобрительно кивнул.

— Расскажи нам всем, как всё было! — раздался испуган-

ный голос из толпы.

— Я плавал вдоль берега, а там в лесу был силуэт с очень причудливой шляпой с грибочками. Я было дело захотел помочь, кто бы это не был! Но оно заманило меня в то страшное, проклятое место. Пещера — нет в ней жизни! Только твари да их владыка... Они служат своему породителю, как в воду гляжу!

— С чего это ты взял? — слегка улыбаясь, недоверчиво глянул Лотар старику прямо в глаза.

— Эти существа гонялись за мной по пещере! Да и только приговаривали: «Ему нужна еда», — старик остановился, потупил взгляд в землю, положил перчатку и стал сильно кашлять.

— Старец, — обратился к нему один из воинов, — по вашим словам, там обитель этих существ, верно? Но ведь наши предки зачистили все пещеры города, нет ни одной, в которую не ступала нога шахтёра!

— Нет, — прохрипел старик, — эта не была помечена флажком. Так и разве наши предки оставили бы там железо и драгоценные камни?

Лёгкий смех пронёсся по толпе, словно ветерок. Старик с презрением окинул толпу взглядом. Слегка кряхтя, он достал из-за пазухи мешочек. Он долго мучился над узелком, но всё же смог открыть кожаный кулёк и показать всем железный самородок и блестящие кристаллы. Люди во-

лей-неволей ахнули от красоты камней. У старика в глазах заблестела искра надежды, что ему поверят.

Лотар осторожно взял кристалл и, подняв его к небу, взглянул сквозь прозрачную грань.

— Ладно, — сжав минерал в кулаке, начал Лотар, — я могу, как и все жители, поверить тебе, что ты нашёл пещеру, в которой никогда никто не был! Но то, что там обитают существа, угнетающие нас по ночам, уже тяжело. Они просто убили бы тебя без каких-то разговоров...

— То, что я выжил — безусловно чудо! Аррон спас, не иначе... Но та пещера закрыта от глаз людских! Скрыта деревьями, кустами, а вход зарос!

— Если вход заросший, то как они выходят по ночам? — слышался женский голос из толпы.

— Я думаю, что эта материальная преграда для них — ничто! Они просто проходят сквозь неё...

Громкий смех раздался среди толпы. Военные слегка усмехнулись, воевода тяжёлой вздохнул. Один только Арчи стоял непоколебимый, с каким-то необъяснимым стыдом на душе.

— Старик, напомни мне, что вытворял твой собственный дед перед закатом жизни? Не он ли говорил, что общался с этими тварями? А не твой ли отец перед кончиной рассказывал всем, что сам Аррон спустился к нему, чтобы предупредить о конце всего живого? — с издёвкой усмехнулся Лотар.

Старик склонил голову. Глаза его потухли.

— У меня на инструменте, должно быть, осталась кровь!

Воевода поднял взгляд на старца. Старик зашевелился. Трясущимися руками он достал из-за пояса свой инструмент — но на нём не осталось и следа от жестокого удара. Ни крови, ни куска плоти или кожи.

— Не может быть... — пробубнил старик. Лотар опустил голову, люди стали понемногу расходиться. — Оно просто на солнце сгорело! Они горят от солнечного света! Поэтому они ищут еду по ночам!

— Признай, ты такой же сумасшедший, как и твои предки! Отец хотя бы только перед смертью чокнулся, а ты, старик, и твой дедок, всегда были полоумными, — грозно проговорил Лотар. Он наклонился поближе, схватил старика за шею и проговорил ему на ухо: — Тем более, на носу праздник. Не смей его осквернять! И так нет ни одного кабана для обряда, все передохли. А ещё ты смуту наводишь!

— Позвольте, воевода, мне добыть скотину для праздника. Дайте двух солдат, они загоняют оленя, а я его за горизонт отправлю. Мне всё равно не жить после всего, что я сегодня увидел и узнал, — взныл старик воеводе.

Лотар тяжело вздохнул, закрыл глаза и громко сказал:

— Открыть ворота! И два крепких бойца ко мне, быстро!

— Товарищ воевода, а что же делать с теми тварями? — обратился вдруг житель из толпы.

— Ложная тревога, старик уже с ума сошёл, — грустно ответил Лотар, глядя на старца.

Солдаты отправились к воротам. Несколько человек остались с воеводой. Жители разошлись по своим делам, лишь возмущаясь друг другу о наведённой стариком паникой. Ворота открылись. Солдаты сбросили свои сверкающие доспехи, сложили тяжёлые мечи с копьями, лёгкие и стремительные луки со стрелами.

Арчи остался на месте. Он облокотился спиной о фасад дома позади скамейки со стариком. Парень смотрел на старца жалостливыми глазами — тот казался ему брошенным, беспомощным, покинутым всеми. Старик старался встать, махал рукой, будто подталкивая себя, второй упёрся о скамейку, но ноги отказывались вставать и держать тело. Растерянные и неуверенные движения старика вызывали у Арчи бурю эмоций: от простого сочувствия, смеха, и веры до тяжёлых переживаний. Сердце металось во все стороны, голова гудела, с каждым вздохом в груди становилось всё тяжелее. Точно камень на душу упал стыд.

С горем пополам старичок встал. Осторожно зашагал навстречу к воеводе, уже отдававшему приказ двум своим солдатам идти в лес. Старик подошёл к Лотару, осторожно окликнул воеводу, и тот протянул в обессиленные бледные руки холодный, сверкающий на солнце кинжал. Старик неуверенно обхватил тонкую деревянную рукоять, коснулся кончиками пальцев холодной стали.

— Я никогда раньше не брал в руки военный кинжал...
— с дрожью в голосе проговорил он.

Лотар только улыбнулся. Солдаты развернулись и направились в сторону ворот. Пока они шли в неизвестность, мимо проходили счастливые бойцы — без тяжёлых доспехов и оружия. У каждого из воинов были братья, друзья, близкие товарищи. И сердце кровью обливается — то ли от счастья, то ли от печали, — когда осознаёшь: идёшь на смерть, а их час ещё не настал.

Старик сунул клинок за ремень, потуже затянул его и пошёл следом за бойцами.

— Охота на зверя — может и просто, — загадочно заговорил воевода, — но постарайся, старик, сделать так, чтобы вы не пробыли в лесу дотемна, и чтобы оба моих мечника вернулись домой к семьям!

Старец не проронил ни слова — лишь молча кивнул в ответ.

Арчи ходил по городу. На душе у него было тяжело. Он и верил старику, и не хотел казаться сумасшедшим в глазах остальных людей.

Слоняясь по улицам, Арчи встретил Элизу:

— Привет Арчи! Давненько тебя не видела, на острове был? Или опять просто закрылся у себя и сидел перед портретом Аррона?

— Эля, можешь хотя бы один день не доставать? — нерв-

но бросил Арчи. — И вообще, где дядя Лотар?

— Чего ты кричишь? Не видела я его после тревоги. Может, в кладовой, — так же напряжённо ответила Элиза.

Арчи вихрем пронёсся мимо Элизы. Он бежал в сторону кладовой. По пути прохожие радостно здоровались с Арчи, пытались о чем-то с ним заговорить, но тот молчал, будто не видел и не слышал никого. Пробежав половину города, у самых главных ворот, Арчи добрался до двери, ведущей внутрь стены, — это и была оружейная кладовая. Оттуда доносился громкий смех, радостные голоса. Арчи вломился внутрь, как лисица в кроличью нору.

В кладовой было мрачно, свет давала лишь одна лампа, и тот был тусклым. Лотар сидел на пеньке и попивал из кукса виноградный сок, запах которого впитался в стены оружейной. Ещё три человека стояли и грызли сушёную рыбу, а один сидел на полусогнутых ногах и попивал вино из старой, мутной стеклянной бутылки.

— Ох, мальчик мой, — проговорил радостно Лотар, — садись, будь как дома, Арчи!

— Дядь Лотар, я не пить пришёл, нужно поговорить, — грубо сказал Арчи. — Нам нужно проверить ту пещеру! Вдруг старик рассказал правду? Не может быть, что ему такое привиделось. Померещиться — ещё да, но не чтобы всё это! Помните, в тот день, когда я пропал в лесу, я тоже видел чёрное существо с грибами на голове! Или я по-вашему тоже сумасшедший?!

Лотар молчал. Остальные продолжали попивать вино, разделывать рыбу, лишь слегка улыбаясь.

— Спору нет, — тихо и низко проговорил Лотар, — может это одно и то же существо, и старик и правда его встретил. Но чтобы эти бездушные творения тьмы разговаривали или служили кому-то... Не один, не два и не три века наши предки искали спасения от них. А тут неожиданно старик, потомок чудаков, находит их обитель? Они ему всё рассказали? Арчи, ты сильно веришь во всё тёмное и светлое, вот и радуйся, веселись! Праздник накануне — день схождения Аррона!

— Я это знаю, — грубо и злостно ответил Арчи, — только что праздновать? Все кабаны передохли, гроза надвигается с моря — неспроста это всё! Как же вы это не поймёте, дядя Лотар?

Лотар снова умолк, лишь продолжая ехидно улыбаться.

— Даже если не верите его словам, — он вам принёс кристаллы, железо! Значит, та пещера существует!

— В океане найти не мог? — с насмешкой спросил один из воинов, выплёвывая рыбу чешую.

— Арчи, я уважаю твой нрав, но если хочешь сделать что-то полезное, помимо масла, то займись ратным делом, — мягко произнёс Лотар.

— Ратное дело... — задумчиво повторил Арчи. — Воевать не с кем!

— А защищать есть кого.

Арчи замолчал. С грустью он бросил взгляд в никуда. Ни одного конкретного образа, лишь мысли — и только мысли.

— Надо сходить к той пещере... — промямлил Арчи.

Смех пронёсся по оружейной. Воины стали что-то бубнить себе под нос, периодически посмеиваясь. Лотар заулыбался во все зубы. Не сильно, но грубо он уронил руку на плечо Арчи.

— Дорогой ты мой племянник, никто не захочет рисковать и идти туда! Скажут: «Тебе надо, вот ты и иди». А ты даже меч никогда не держал в руках! Веселись на празднике, и чудо случится на нашем веку, избавит Аррон нас от них.

— Но мы даже приношение провести не сможем... — со злобой прошипел Арчи. Но Лотар пальцем прикрыл ему рот.

— Твой новый друг и два моих солдата позаботятся об этом. Конечно, не кабан, но олень зато побольше будет.

Лотар улыбнулся и отпустил Арчи. Взгляд парня упал на корзину с блестящими двуручными мечами. Лотар отошёл от него к шкафу. Арчи шагнул к корзине и, с ярким звоном стали, плавным движением извлёк из неё длинный тяжёлый меч, перехватив его второй рукой. Шум в оружейной прекратился. Лишь ветерок с улицы шелестел рыбой на верёвке. Лотар на момент замер, но потом спокойно распахнул дверь шкафа и достал оттуда дальнюю, пыльную бутылку с вином. Лицо Арчи наполнилось гневом. Он бросил меч на пол. Лотар спокойно повернулся к Арчи и бросил ему добытую бутылку. Один воин осторожно подошёл и поднял меч, пока

Лотар блаженно смотрел в пламенные глаза Арчи.

— Гуляй, мой мальчик, — ехидно сказал Лотар.

Арчи, скрипя зубами, развернулся и вышел из оружейной.

Солнце было посреди неба. Тучи уже стали добираться до Олло. Все женщины разбежались по домам, а город наполнился ароматами готовящихся обедов. Дети ещё играли, а мужчины занимались своими делами.

Арчи шёл домой — в каждом его вздохе, в каждом шаге чувствовались грусть и глухая злоба. Сильные порывы ветра не давали ему собраться с мыслями. Только ветер утих и Арчи смог спокойно мыслить, как тут же заревел гром и рассыпал его рассуждения. От этого парень становился ещё злей, а погода всё хуже.

Наконец Арчи дошёл до своего дома. На крыльце сидел его отец. В руках у него были пергамент и перо, а на скамейке чернильница. Арчи спрятал бутылку вина за спину и медленно подошёл к отцу.

— Пап, — неуверенно начал Арчи, — ты же мудрый человек, поэтому скажи мне хотя бы ты, что все слова старика — не бред!

Отец, даже не взглянув на сына, отвернулся в другую сторону. Он молчал. Арчи вздохнул глубоко и с горечью, поставил бутылку на землю, а сам сел на другой конец скамейки.

— Насчёт меня, — грубо начал отец, — я никогда больше не буду относиться к тебе так же, как раньше, — как к родному и единственному сыну. Что касается тебя: ты пытаешь-

ся натянуть две разные шкуры на одну тушу. Даже у меня не получается быть и вторым воеводой, и писать поэмы потомкам. Не старайся стать главным в городе. Либо работай на благо всех — что ты, впрочем, и делаешь, — либо посвяти себя служению святости.

Арчи с дрожью вздохнул и судорожно сглотнул:

— А это тут причём?

— А зачем тебе в ту пещеру? Искупить грех. Или ты не оскорбил родителей своих? Просто смыть всё в озере я тебе не позволю. Сегодняшний поступок перешёл все границы.

— Я хочу избавить всех жителей от страданий и только! Прощения и не надо...

— Ладно, будь по-твоему, — вздохнул отец. — Но если там и впрямь ничего нет — а мы с Лотаром и все остальные в этом уверены, — тебя просто за сумасшедшего сочтут, так же как и старика. И даже «спасибо» не скажут.

Отец с некоторым трудом встал и неспеша зашёл в дом. Ветер трепал чёлку Арчи. На сердце ему лёг тяжёлый камень. В голове крутились лишь одни и те же слова: «Они делают из меня изгоя, отброса. Человек, который хочет блага для всех, резко стал для них простым сумасшедшим». Мать вышла из дома и грубо обратилась к сыну:

— Заходи быстрее или ты обедать не будешь?

Арчи вздохнул, взял забытую отцом чернильницу и зашёл внутрь. Стол, по традиции, был уставлен жареной рыбой-луной — белоснежной, точно вылитой из лунного света, длин-

ной и красивой, а на столе в каждом доме Олло — ещё и безумно вкусной. Кроме рыбы, на столе лежали сушёные водоросли и пара солёных огурцов. В печи уже готовились тыквенные пирожки для ужина. Приятные ароматы расслабляли Арчи. Всё шептало, чтобы он спокойно сел за стол, пообедал и извинился перед родителями.

Но Арчи вновь не уселся со всеми. Он просто взял три рыбки и вышел на улицу. Отец тяжело вздохнул. Мать прикрыла глаза, в которых уже стояли слёзы.

Арчи шёл по дорожке, ел рыбу. Он снова направился к главным воротам — чтобы там дожидаться старика. Тучи скрыли солнце. Тень легла на весь Олло.

Когда Арчи дошёл до ворот, там уже собралась толпа: все впервые хвалили старика и одного из мечников. Воин был печален, а старец крутил в руках кровавый кинжал. Арчи глянул в другую сторону — там лежал олень, с перерезанной шеей, сломанными рогами, весь залитый кровью. Рядом с ним сидел второй мечник. Один конец обломанного рога торчал из его живота. Рядом с умирающим молодым парнем сидела его беременная невеста, а неподалёку стоял священник Дионис. Девушка качалась на коленях, приговаривала что-то, надрываясь, плакала. Воин лишь судорожно выпускал последние вздохи.

Арчи медленно подошёл к ним и встал рядом с Дионисом. Когда грудь воина перестала содрогаться от ударов сердца, Дионис спокойно подошёл, прошептал что-то на святом языке и закрыл ему глаза. Девушка громко и истошно закричала. Люди обернулись на них и лишь жалобно покачали головами. Дионис подтолкнул Арчи, и они вместе стали оттащить девушку от мёртвого возлюбленного. Радость мгновенно сошла с лиц людей. Старик бросил нож на землю, протиснулся сквозь толпу и захромал в сторону своего дома.

Подступала ночь. По городу ходили жители и зажигали лампы. Ворота были закрыты. Все в городе ужинают и готовятся ко сну.

В доме Арчи было беспокойно. Парень сидел за столом с матерью. Отец так и не вышел к ужину — всё то время, пока Арчи сидел за столом. На тарелке лежало всего три пирожка. Каждому было подготовлено всего по одному куску воды. В доме стояла гробовая тишина и только ветра свистел сквозь щели в окнах.

Арчи робко потянулся за пирожком. Глядя на мать, он осторожно откусил его. Та не шевельнулась. С того момента, как мать накрыла стол и присела, она больше ничего не делала, только смотрела на горящую свечу. На улице грохотал гром. Сверкали молнии. А солнце скрылось за горизонтом. Из леса начал доноситься вой — он пробирался в дома, просачиваясь сквозь тени. Арчи вздохнул, встал из-за стола

и ушёл из дома. Дверь хлопнула и по щекам матери потекли слёзы.

На улице злобный ветер гнул деревья, расшатывал фонари и уносил всё прочь следом за собой. Арчи шёл по пустым дорогам, пока они не привели его к старой шахте. Недалеко от неё, под навесом, сидел Дионис. Он грубо окликнул Арчи:

— Ты куда?

— К старику. Я хотел с ним поговорить, пока его не убили.

Дионис одобрительно кивнул. Арчи спустился в шахту. Там было темно и тихо — лишь редкое покашливание нарушало безмолвие да тусклый свет пробивался из халупы старика.

Арчи медленно подошёл к двери и постучался. «Живой я ещё», — послышался недовольный голос старика. Арчи открыл дверь. Из халупы вырвался запах тысяч трав, сушёной рыбы и водорослей. На деревянной доске, накрытый шерстяным одеялом, лежал старик. В руках у него был трофейный рог убитого оленя. Старец лежал и почёсывал свою хлипкую бородку. Когда Арчи переступил порог, старик обернулся:

— Ох, сын второго воеводы! Как же... Арчи! Как я рад тебя видеть, — с добротой произнёс старичок.

Арчи улыбнулся и присел на каменный пол рядом со стариком.

— Я так думаю, что не просто ты ко мне пришёл, верно? — старик заулыбался при виде смущённых глаз Арчи. — Только давай быстро, а то придут твари за мной, а уйдут

ещё и с тобой, — настороженно причитал старик. — Грех за убийство живого существа только мой, ты и другие не должны за него платить...

— Старец, скажите пожалуйста, что вы видели в той пещере? Что вы думаете о ней и том, что там было?

Старец лубоко вздохнул. Глаза его забегали.

— Пойми, что там обитает и мучает нас испокон веков — оно служит своему породителю! Они несут ему еду. Само существо не может выжить, видимо слабое оно... Н-но это до поры, до времени... Уже что-то назревает. Как чувствую, как будто знаю, говорю! Будто я всё это видел или слышал когда-то. Не зря эта тварь привела меня туда. Оно хотело предупредить. Неспроста за месяц до праздника гибнут кабаны, которые должны были стать даром Аррону. И не просто так такая погода в праздничный день. Он нам не поможет, не спасёт от них... И ты не просто так интересуешься пещерой, тебя что-то тянет к ней...

Старик замолк. Арчи уткнулся взглядом в пол.

— Что вы ещё думаете или знаете об этом породителе? Что оно такое?

— Вот этого уже не видел и не знаю. Я в целом ничего не знаю, но думаю, оно и приказывает карать нас за убийства животных, за смерти деревьев... Если и смотреть древние писания, то не всегда мы гибли за эти грехи, — старик повернулся на бок и стал что-то искать. — Вот записи! Они перешли в мой род от моего прадеда. Жаль, что я не много

слов знаю на святом языке, — старик вынул огромную старинную книгу в кожаном переплёте.

Арчи взял книгу в руки и осторожно открыл её. Страницы были дряхлые, а текст — совсем тусклый. Листы переворачивались с треском. Арчи очень внимательно их рассматривал. Переворачивая страницу за страницей, он наконец наткнулся на те самые кристаллы, что старик показывал ему утром. Пока старец отвлёкся, задумчиво глядя в потолок, Арчи незаметно схватил эти сияющие красные камни и спрятал их к себе в чёбот.

— Ведь животное мясо и кровь даёт ему силу, а деревья впитывают и отдают всё своему хозяину. Мы лишаем его слуг, за это и смерть. Но когда-нибудь оно насытится и выйдет наружу... Тогда может и сойдёт Аррон с небес, а иначе конец всему живому!

Какое-то мимолётное ощущение пробило Арчи. Странное осознание потушило надежду в его сердце.

— Откуда вы это знаете? С чего я вообще решил, что вы говорите правду? — с болью в сердце произнёс он. — Может, я и вправду схожу с ума?

Старик поник. Арчи закрыл книгу. Жуткий вой слышался из глубин. На лице старика появилась улыбка. Среди редких вздохов старика, заурчал живот Арчи.

— Весь день не ел что ли? — удивлённо спросил старик. Арчи кивнул. — Вот, возьми! — старик протянул парню маленькую корзинку с пирожками — те до боли напомнили Ар-

чи материнские. — Вот только ты и твоя мама хорошо ко мне относитесь. Она хотела, чтобы я перед тем, как покинуть мир светлый, поел хорошо. А на деле и капля воды в рот не лезет... А вот насчёт сомнений: ты единственный, кто не смотрит на меня как на безумца. Но всё равно продолжаешь во всём сомневаться, хоть и осознаёшь, что это правда. Но почему?

Арчи молчал, только с грустью глядел в пол.

— Поверь, я встречал не одного святого служителя. И не один, и не двое из них не отличались здравым умом. Но люди им верили, и правды сказали они больше, чем здравым.

Огонёк веры вновь зажёгся в сердце Арчи — материнские пирожки только подкинули в него дров. Больше Арчи ни о чём не спрашивал, и старик больше не говорил о пещере и тварях, лишь напоминал парню, что ему пора уходить, а не сидеть.

Арчи уже собрался уходить, как вдруг густой чёрный дым проник в халупу старика. Он протянулся сначала по полу вместе с холодящим ветерком, а потом поднялся вверх и собрался в один клуб. Дым медленно, но уверенно направлялся к старику. Он стал медленно рассеиваться в воздухе и проникать в тело старика — сперва через нос, затем через рот, а после и через уши, с каждым вдохом заполняя его изнутри. На лице старца проступили вены и тут же наполнились тьмой. Тело его выкручивало в разные стороны. Кости хрустели, веки дрожали, а пальцы неестественно выгибались. На

лице появилась та же гримаса ужаса, что и при виде монстра в пещере. Кожа побледнела, тело стало высыхать и трястись.

Арчи забился в углу и со страхом смотрел на умирающего старца, а в голове было одно: «Не успел уйти». Вместо старика остался обтянутый кожей скелет, с чёрными глазами и переломанными пальцами. Чёрный дым вышел изо рта старца. Он снова сбился в один клуб, словно формируя чьё-то лицо, и Арчи отчётливо увидел глаза, устремившие взгляд прямо ему в душу. Но клуб просто ударился об стену и рассеялся в воздухе.

Арчи быстро достал из кармана отцовское кольцо. Впервые за много лет оно было горячим. Сердце билось очень быстро, а в грудь вонзилась острая боль. Ноги не хотели держать тело, в глазах всё мутнело.

Придя в себя, Арчи взял корзинку с пирожками и вышел из халупы. На трсущихся он вышел из шахты и подошёл к Дионису.

— Старик умер, — невнятно проговорил Арчи.

— Сам умер? Повезло ему, что не дождался существ, — удивлённо спросил священник.

— Нет, они его убили, — вымолвил Арчи, глядя перед собой остановившимся, стеклянным взглядом.

— Не может быть, они и тебя забрали бы!

— Но вновь не тронули...

Ветер на улице стих, начал моросить дождь. Арчи шёл домой. В большинстве домов уже погасли огни. Арчи уже подходил к дому и сердце его облилось кровью, как только он увидел мать, сидящую на скамейке. Дверь в дом была раскрыта настежь, все свечи внутри погашены. Арчи медленно подошёл к матери и спросил в страхе:

— Мам, всё в порядке?

— Конечно, сын. Нагулялся? Спать уже пора, — грубо ответила она, встала и пошла в дом.

— Мам, — остановил её Арчи, — Скажи отцу, что я хотел извиниться перед ним. И скажи, только честно, ты будешь плакать по мне?

— И слезинки не пророню, — холодно сказала женщина, заходя в дом. — Заходишь или тебе здесь уже нет дома?

Арчи промолчал, и мать, не дождавшись ответа, захлопнула дверь. Тихий, едва уловимый шелест превратился в оглушительный шум дождя, который заполнил собой всё пространство вокруг. Арчи растёкся в улыбке. Она была пронизана грустью — мимолётным напоминанием о давно минувших днях, когда всё было иначе. Но в этот раз улыбка казалась вымученной, словно тело удерживало её лишь на грани между надеждой и отчаянием.

Арчи огляделся по сторонам. В траве он нашёл бутылку вина, которую снёс бушующий ветер. Он взял её, поставил в корзину с пирожками и уверенными, но медлительными

шагами направился в сторону главных ворот. Каждый шаг давался ему с трудом, словно парня тянуло обратно цепью, приковывавшей его к дому. Каждая лужа на его пути казалась капканом, который так и манил — вернись, одумайся. Но дороги обратно уже не было — Арчи предстал перед воротами.

Сторожей на стене не было. Все сидели и громко разговаривали в оружейной. Арчи медленно, хлюпая чёботами, поднялся на стену. Он был здесь впервые, и от большой высоты у Арчи слегка подкашивались ноги. Парень тяжело и громко дышал от страха.

Грянул гром. С диким воплем в стену что-то ударилось. Арчи тут же упал на пол. Разговоры из оружейной прекратились. Началась возня. Из склада выбежали воины и стали осматривать стену, громко переговариваясь. Арчи лёг и вжался в пол. Громкий вопль раздался с обратной стороны. Когда Арчи решил, что солдаты уже ушли, он осторожно поднялся.

Он поставил корзину, нашёл толстый канат, которым закрывали ворота, и стал осторожно спускать его вниз, во мрак. Когда верёвка была спущена, Арчи достал из корзины пирожки, сложил и завязал их в платок, на котором они лежали. Достал отцовское кольцо, надел его, взял узелок в зубы, а бутылку вина — в левую руку. Упершись ногами в стену и крепко держась за канат, он начал спускаться вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.